

ПАТРИК ГОРДОН КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ ТИП

А. Н. Андреев

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье анализируются параметры религиозности Патрика Гордона (1635—1699) — шотландца католического вероисповедания, одного из самых известных исторических деятелей России иноземного происхождения. Рассматриваются его нравственные качества, религиозные аспекты поведения, выявляется уровень конфессиональной мотивации в служебной и церковной деятельности. Гордон предстает в качестве глубоко верующего христианина, реализующего свои вероисповедные убеждения непосредственно в социальной жизни. Автор относит религиозность Гордона к типу канонической (идейной), которая характеризуется достаточно высокой степенью эмоциональной насыщенности, интенсивным религиозным опытом, регулярным участием в церковной жизни и инициативностью внекультовой деятельности. Попутно в статье развенчиваются мифы о католическом фанатизме и конфессиональной нетерпимости генерала Гордона, его стремлении любыми способами содействовать пропаганде католицизма среди россиян.

Ключевые слова: Патрик Гордон, религиозность, иноземцы в России, римские католики в России, межконфессиональные отношения.

Шотландец Патрик Гордон — один из самых известных исторических деятелей России иностранного происхождения. Наделенный редкими полководческими и административными талантами, обладавший обширными военными и техническими познаниями¹, он оказал немало услуг нашей стране, защищая ее национальные интересы и участвуя в формировании конкурентоспособных вооруженных сил. Этот иноземец был принят на царскую службу в чине майора в 1661 г. и за 38 лет службы «москвитам» отличился во многих военных предприятиях и операциях. Подлинную славу Гордону-военачальнику принесла героическая оборона Чигирина в 1678 г., за которую он был произведен в генерал-майоры. В дальнейшем Гордон (полный генерал с 1687 г.) стал одним из самых влиятельных сподвижников юного Петра I и с большим энтузиазмом внедрял в русскую армию свой опыт боевого офицера и военного руководителя, инженера и фортификатора. Бутырский полк, которым долгое время командовал «шкотский немец», по мнению большинства историков, стал ядром будущей регулярной армии, а маневры и учения, проводившиеся Гордоном, на многие десятилетия заложили основы боеспособности русских войск [2, с. 22; 12, с. 532; 22, с. 444—445]. Наконец, немаловажно, что этот человек посредством собственных инициатив способствовал формированию европеизационного курса Петровской политики, ибо «в большей степени, чем кто-либо, Гордон был учителем Петра» [3, с. 119].

Тем не менее личность Патрика (в русских источниках — Петра Ивановича) Гордона до сих пор

¹ Сегодня учеными опровергнуто мнение, когда-то выраженное Н. Г. Устряловым, о том, что П. Гордон имел скудные познания в военном деле и «инженерном искусстве» [22, с. 443].

не получила всесторонней оценки. Дневниковые записи и письма шотландца, давно известные ученым, красноречиво свидетельствуют о том, что он был набожным человеком, подчинявшим свою жизнь догматам и установлениям Римской церкви. Факт основания генералом первой латинской общины в Москве и его активного участия в церковных делах российских католиков хрестоматийно известен. Несмотря на это, религиозные аспекты поведения Гордона, уровень его конфессиональной мотивации в служебной и церковной деятельности, а также способы влияния на становление государственно-церковных отношений в России, остаются практически неизученными. До недавнего времени информацию о конфессиональном статусе Гордона и его церковной работе можно было получить только из дореволюционных исследований, посвященных истории российского католицизма [19, с. 118—119, 126—129; 25, с. 60—61, 83—84]. В соответствии с требованиями синодальной цензуры, они были написаны в консервативно-охранительном и церковно-полюемическом духе с преобладанием тенденции к разоблачению «подрывной» деятельности католиков в России и выявлению их вредоносной сути. На сегодняшний день многие выводы, сделанные в этих работах, должны быть признаны устаревшими из-за тенденциозности авторов и не всегда научно обоснованной интерпретации источников.

Так, участие Гордона в костельном строительстве и вообще в религиозной жизни Москвы однозначно расценивалось в качестве потенциально опасной, наносящей ущерб российским интересам деятельности, а сам генерал представлялся нетерпимым фанатиком, нацеленным на прозелитизм [25, с. 60, 84]. Противоречия между высокими оценками заслуг иноземца на военном и административном поприщах и его «подрывными» усилиями в церковной

сфере вызвали недоумение и никак не объяснялись. В редких историко-биографических трудах, посвященных непосредственно личности Гордона, вопросы его религиозности и церковной работы либо вообще не поднимались как неудобные [5, с. 221—294], либо их рассмотрение вело к банальному утверждению о том, что генерал был «главным орудием католической пропаганды в России» [4, с. 124]. Сегодня мы можем по-новому взглянуть на этого исторического деятеля, целенаправленно анализируя выраженность основных признаков его религиозности — таких, как конфессиональная самоидентификация и отождествление своих интересов с интересами религиозной общины, вера в догматы и иные вероучительные положения, участие в церковной жизни, заинтересованность в таинствах, обрядах и др. К этому подталкивает издание первой полной редакции дневника П. Гордона, осуществляемое крупнейшим специалистом в области российско-шотландских связей Д. Г. Федосовым, который среди актуальных задач современной науки отметил необходимость переосмысления роли шотландца в истории России, в том числе и в развитии ситуации межконфессионального партнерства [22, с. 472—474].

Патрик Гордон оф Охлукрис (Patrick Gordon of Auchleuchries) родился 31 марта 1635 г. (ст. ст.) в графстве Эбердин в католической семье, принадлежавшей к младшей ветви древнего рода Гордонов. В Шотландии, где большинство населения придерживалось пресвитерианства и права католиков систематически ущемлялись, исповедание «папизма» было сопряжено с большими трудностями, поэтому, скорее всего, родители Патрика Джон Гордон и Мэри Огильви держались католической веры по убеждению и были глубоко верующими людьми. Своих детей они воспитывали сами, окружая их «нежной заботой» [6, с. 7]. Несомненно, основы религиозности были заложены в Патрике с детства усилиями его родных, хотя в период горячей молодости он мало напоминал сосредоточенного на молитвах аскета.

Усвоению Патриком традиций Римской церкви способствовало строгое иезуитское воспитание. Шестнадцатилетним юношей он покинул отчий дом и около двух лет обучался в коллегии иезуитов в Браунсберге в Восточной Пруссии (сейчас г. Бранено в Польше на границе с Калининградской областью). Нет никаких оснований считать, что «браунсбергские езуиты заманили его в свою коллегию» [20, с. 122]. Дневник Гордона повествует об осознанном стремлении получить католическое образование и невозможности это сделать на родине [6, с. 7—9]. Правда, горячий нрав и склонность к военному делу, а также желание быстрее испытать фортуны и стяжать чины, не позволили Патрику завершить обучение: по его собственным словам, он не смог «вынести столь замкнутого и строгого образа жизни» [6, с. 9] и самовольно покинул коллегию. Тем не менее Гордон всегда с уважением и признательностью вспоминал своих наставников-иезуитов, считая отцов этого ордена самыми искусными в деле воспитания юношества. Не случайно в 1692 г. младший сын Гордона Теодор был отдан на обу-

чение в ту же самую Браунсбергскую коллегию, а еще раньше другой его сын, Джеймс, проходил курс наук в иезуитской коллегии Данцига [9, с. 81; 10, с. 171—172, 181, 184]. Думается, по этой же причине для школы московских католиков Гордон старался подыскать учителя, получившего образование именно у иезуитов [10, с. 54].

Религиозное усердие Гордона в разные периоды жизни было различным. Менее всего оно обнаруживалось в юные годы (18—20 лет), во время службы рейтаром в шведской кавалерии, а затем в польских драгунах. Тяжелые будни рядового, вынужденного без чьего-либо покровительства делать первые шаги на военном поприще, крайнее честолюбие, желание быстро добиться авторитета и успеха, — все это отдаляло Гордона от молитвы и заставляло совершать безнравственные поступки и даже преступления. Служа шведскому королю-лютеранину, он сражался против своих единоверцев-поляков, участвовал в разорении сел и городов и не считал это предосудительным. Во время военных действий в Польше Гордон неоднократно воровал лошадей и прибегал к грабежу местного населения — отнимал провизию и иное имущество (это называлось «выехать на промысел») [6, с. 36, 38, 57, 136, 193]. По молодости лет Гордон даже хвалился тем, что приобрел славу лихого разбойника [4, с. 9].

Мародерство в то время было повсеместно распространенной практикой и воспринималось обществом иначе, чем сегодня — сопряженное с большим риском для жизни, оно считалось проявлением молодецкой удали и даже поощрялось военным начальством. Однако, как глубоко верующий христианин, Гордон не мог не чувствовать, что подобные «подвиги» противны духу Евангелия. В зрелом возрасте, анализируя свои неблаговидные поступки, Гордон частично оправдывал себя: «Сказать по правде, армии нельзя было существовать без таких уловок, а те, кто слишком совестлив, мягкосердечен или ленив, чтобы применять оные, нашли бы верную гибель от вредителей либо умерли от голода и холода» [6, с. 136]. Но в то же время Гордон, в отличие от многих современников, осознавал преступный характер мародерства, размышляя о сути войны таким образом: «Вкратце скажу, что едва ли возможно быть солдатом, не будучи угнетателем и не совершая многих преступлений и жестокостей, хотя одни поступают так чаще других. Пусть никто не возомнит себя безвинным или достойным прощения по недостатку платы или чего-либо необходимого. В таком случае лучше воскликнуть: “Рессави” (т. е. “Согрешил!”)» [6, с. 136]. Очевидно, Гордон воспринимал войну как неизбежное зло, попускаемое Богом, но при этом считал, что военное ремесло вовсе не исключает христианского усердия, т.к. может быть сопряжено с искренним покаянием. О том, что в те времена грабежи в стане противника не вредили репутации доброго христианина, коей мог обладать военный, свидетельствуют факты биографии другого генерала-католика на русской службе, ирландца П. П. Ласси, не раз осуществлявшего грабительские вылазки в деревни у шведских берегов во время Северной войны [1, с. 40].

Тем не менее Гордон даже в дни своей молодости не забывал о христианских заповедях, избегая, по его

определению, «гнусных» преступлений — убийств (исключая борьбу на поле брани), разграбления церковей и насилий над женщинами [6, с. 67]. Но он ничего не делал, да и не мог делать для того, чтобы предотвратить подобные преступления, весьма распространенные в условиях военного времени. Однажды, после очередного налета своих однополчан на иезуитскую обитель, на монастырском дворе Гордон обнаружил остатки разграбленного имущества, в том числе «некоторые реликвии», которые им были почтительно переданы уцелевшим старикам-монахам. При этом Гордон не считал грехом «отложить для себя» книги из монастырской библиотеки, поступившей после разорения обители в распоряжение шведского фельдмаршала¹ [6, с. 40]. В дальнейшем, став офицером и перейдя на фиксированное жалование, Гордон прекратил любые грабежи и реквизиции, не позволяя «подобного ни себе, ни своим людям» [21, с. 239]. По убеждению историков, не только дневник Гордона, но и целый ряд иных источников, дает основание видеть в нем человеколюбивого офицера, не раз проявлявшего жалость к беззащитным врагам, милость к пленным и захваченным местным жителям, заботу к подчиненным. Гордон был безупречен, но «до алчности и бессердечия он не опустился» [21, с. 239] и «своею нравственностью стоял даже выше многих современников и сослуживцев» [4, с. 8].

Очевидно, что нравственные качества Гордона определялись не только религиозным воспитанием, но и особым видом расчетливости, отношением к жизни по пословице «на Бога надейся, а сам не плошай». Мораль Гордона имеет много общего с этическими воззрениями другого знаменитого шотландца — Адама Смита, родоначальника экономической теории Просвещения. Задолго до появления ученых трудов последнего о homo economicus российский генерал рассуждал о необходимости проявлять милосердие к земельным арендаторам, чтобы превратить их в надежных экономических партнеров и в конечном итоге получить больше прибыли (речь шла об арендаторах в шотландском поместье сына Гордона) [10, с. 39]. Честолюбивый иноземец старался быть предельно честным, но не столько из-за принципиального неприятия лжи, сколько из-за боязни навредить своей репутации. В письме к сыну Джону он откровенно признавался, что «более стремился к почету, чем к богатствам, и всегда предпочитал малость, добытую чистой совестью, нежели большое состояние, полученное неправедными средствами» [10, с. 38]. В подтверждение этих слов приведем такой случай: когда в 1692 г. были выделены деньги, предназначавшиеся к раздаче солдатам по случаю рождения царевича Александра Петровича и царевны Екатерины Ивановны, Гордон вернул государству все суммы, оставшиеся неизрасходованными по причине смерти или ссылки некоторых солдат [10, с. 144]. Сложно сказать, чем именно он руководствовался — голосом совести, желанием сохранить образ бессребреника, столь

¹ Быть может, в искупление этого греха на исходе лет Гордон подарил московской иезуитской миссии свою библиотеку стоимостью в 300 австрийских гульденов? [16, с. 189].

ценный царем, или же религиозным чувством, наличие которого у Гордона, в любом случае, невозможно отрицать.

Важнейшими объективными показателями религиозности христианина являются частота и характер участия в богослужениях, заинтересованность в таинствах. Любопытно, что Гордон, сбежавший от иезуитов, не был даже конфирмован — он приобщился к таинству миропомазания с именем Леопольд только в июле 1698 г., когда бывший проездом в России архиепископ Анкирский Пальма конфирмовал многих московских католиков [13, с. 78; 25, с. 116; 26, с. 203—204]. Парадоксально, что генерал много лет являлся человеком, олицетворяющим Римскую церковь в России, но при этом формально не был признан членом этой церкви, т. к. не прошел конфирмацию. Стремления прибегнуть к таинству евхаристии в первое время военной службы у Гордона тоже не наблюдалось: только через три года после ухода из Браунсбергской коллегии, будучи в польском плену, страшась возможной смертной казни и раскаиваясь в своих преступлениях, он причастился у одного монаха-францисканца [6, с. 69]. Впрочем, после польского плена Гордон стал усерднее посещать католические богослужения: он неоднократно бывал на мессах во время военной службы в Польше и Венгрии, вместе со своей ротой отмечал христианские праздники [7, с. 32, 37, 41, 49—50, 91, 100].

Став офицером русской армии, Гордон столкнулся с большими трудностями в исповедании своей веры, поскольку в России было запрещено возводить католические храмы и содержать постоянных священников (этот запрет в дальнейшем был снят благодаря генералу). Данное обстоятельство, в отличие от большинства иноземцев, только обострило в Гордоне религиозное чувство, и он стал выискивать любые способы побывать на мессе и исполнить свой христианский долг. В связи с прибытием в Москву в 1661 г. «цесарских» дипломатов А. Мейерберга и Г. В. Кальвуччи, Гордон с удовлетворением отметил в дневнике, что теперь появилась «возможность бывать на богослужении так часто, как нам угодно» [7, с. 114]. В феврале 1662 г., находясь в тяжелой болезни, он сумел причаститься [7, с. 118]. Во время пребывания за границей набожный шотландец неизменно спешил за духовным утешением в костелы и монастыри, где исповедовался и приобщался Святых Таин [7, с. 174, 177, 181—182, 198, 200—201, 204—206; 9, с. 93, 99, 102, 109]. В период командования киевским гарнизоном (1678—1685) Гордон организовал в украинской столице церковную общину, незаконно призвав «католической веры попа» [17, л. 21]. В 1685 г. он добился официального разрешения приглашать в Киев ксендзов (светских плебанов из Польши) для исповеди и причащения местных католиков [17, л. 21].

Осенью 1687 г. Гордон окончательно обосновался в Москве, где с его помощью была сооружена деревянная церковь (молитвенный дом). С этого времени и до конца своих дней генерал спешил на мессу почти каждое воскресенье и во все праздничные дни, не посещая костел Немецкой слободы только во время продолжительных отлучек из столицы [9,

с. 160, 162, 169, 179, 182; 10, с. 11—14, 19, 33—34, 69, 72—94, 127—133, 135—152, 182—187, 193, 199—224, 227—233, 236, 243, 246—258, 296—297, 302—326, 333, 357, 362—363, 425—426, 432; 18, л. 450об.—451, 542об.—543]. По-видимому, во время Азовских походов у Гордона появился еще и полковой патер, служивший мессы и панихиды прямо в военном лагере [10, с. 327, 330—335, 344, 346, 351, 357, 389].

Гордон весьма благоговейно относился к таинству евхаристии, о чем повествует его дневник. Генерал получил возможность регулярно причащаться с начала 1680-х гг., однако динамику вкушений им Тела Христова можно проследить только с 1687 г. (см. табл.).

**Динамика причащений
Патрика Гордона в 1687—1695 гг.¹**

Год	Общее число причащений	Даты причащений
1687	1	02.10.
1688	1	12.04.
1689	1	02.02.
1690	1	17.04.
1691	1	01.05.
1692	2	12.06; 04.12.
1693	2	03.01; 13.04.
1694	2	05.04; 23.12.
1695	2	24.03; 22.12.

Предположительно, в записках шотландца нашли отражение не все случаи причащений, произошедшие ранее этой даты. Так, из архивных материалов известно, что в 1683—1685 гг. в Киеве периодически бывали ксендзы «для исповеди и духовных дел», и Гордон определенно пользовался их услугами [17, л. 21—22]. В 1686 г., получив отпуск, «шотландский москвит» совершил путешествие на родину и во время многомесячного пребывания за границей (с 9 февраля по 18 августа) часто присутствовал на римских обедах в костелах и монастырях, где мог вкусить Евхаристическую Жертву. Из ряда источников мы узнаем, что он до конца своих дней продолжал регулярно исповедоваться и причащаться [18, л. 450об.—451, 542об.—543]. Находясь на смертном одре, Гордон, по свидетельству иезуитов, «много раз врачевал себя святой исповедью и подкреплял святым причащением» [16, с. 70]. Генерал благочестиво скончался 29 ноября 1699 г. (ст. ст.) — был соборован, причащен, снабжен священными индульгенциями, разрешен от грехов и умер при чтении отходной [16, с. 70—71].

Таким образом, в течение всей своей жизни Патрик Гордон сохранял и приумножал опыт молитвенного общения с Богом и Его святыми — не только в детстве, но и в зрелом возрасте. При падении уныния он взывал к «Всемогущему Богу, к Его помощи с обильными слезами, прося также о заступничестве Пресвятой Девы и всех святых небесных» [6, с. 10]. «Множество раз, — признавался этот смелый и опытный воин, — в нужде или

крайности я обращался молитвою ко Всемогущему Богу и обретал Его чудесное содействие» [6, с. 10]. Особо горячо он молился, когда попадал в переделки, в дни жарких боев или в состоянии серьезной болезни — тогда он непосредственно чувствовал Промысел Божий, «вверялся заступничеству Всемогущего Бога», «взывал о помощи ко Всемогущему Богу, к предстательству Блаженной Девы и всех святых небесных перед Святою Троицей в кратких и сильных выражениях» [6, с. 39, 56, 140, 153, 183; 10, с. 286—287].

В круг постоянного чтения Гордона входили книги религиозного содержания. Так, еще на раннем этапе военной карьеры, он всюду возил с собой сочинение Фомы Кемпийского (вероятно, «Подражание Христу») [6, с. 150]. Дневник Гордона свидетельствует о его знакомстве со Священным Писанием и церковной историей (имел у себя том «Анналов» кардинала Цезаря Барония) [7, с. 43, 157]. В 1694 г. генерал, интересуясь вопросами межконфессионального взаимодействия и церковной полемикой, выразил желание приобрести книгу известного controversialного богослова-иезуита Мартина Бекана «Сборник разногласий нашего времени о вере и религии» [10, с. 240]. Все это, вкупе с неоконченным курсом наук у иезуитов, а также большим практическим опытом участия в межконфессиональных отношениях, дает основание утверждать факт высокой степени религиозной информированности Гордона.

Для уяснения меры реализации религиозных ценностей в социальном поведении именитого шотландца особое внимание следует обратить на его семейную жизнь. Согласно его собственному признанию, с юных лет Гордон старался избегать неводержанности в отношениях со слабым полом, хотя ему и приходилось проводить ночи «в занятиях, не подобающих христианину» [6, с. 59; 21, с. 240]. На брак он смотрел с точки зрения социальных выгод и одновременно с позиций христианского вероучения, отдавая предпочтение скорее первому подходу и демонстрируя тем самым выраженное рациональное мышление. Интересны его раздумья по поводу женитьбы, представляющие собой поиск взвешенных аргументов «за» и «против» брака. К аргументам первого рода (выгодам брака) он отнес: возможность приобрести больше доверия в глазах русских («русским от природы свойственно меньше доверять людям холостым»), поддержку и покой «в домашнем обиходе, в болезни и невзгодах», приращение состояния и обретение влиятельных родных (все это — только в случае удачного и обдуманного выбора). Возможные риски и неудобства, связанные с вступлением в брак, Гордон отнес к ограничению личной свободы, вероятной неспособности содержать семью в той мере, в какой необходимо благородному джентльмену, трудностям, могущим возникнуть при увольнении с царской службы [7, с. 124—126]. Однако, наряду с этим Гордон считал немаловажной и реализацию христианских установок в семейной жизни, принимая во внимание ее социологическое значение. К рассмотренным выше аргументам он добавляет: «Да и одно из величайших предназначений супружества — избегать греха

¹ Составлено по: [9, с. 157, 166, 186; 10, с. 14, 77, 138, 151, 180, 204, 255, 312, 332, 432].

и иметь потомство» [7, с. 125]. Его выбор в пользу Катаринины фон Бокховен¹, дочери нидерландского полковника на русской службе, не в последнюю очередь был связан с тем, что семья невесты исповедовала католичество, а сама она отличалась набожностью [7, с. 126]. Через некоторое время после кончины Катаринины Гордон вступил во второй брак с девицей Элизабет Ронаэр, дочерью нидерландского полковника царских войск, чье вероисповедание до замужества, возможно, было реформатским². И в первом, и во втором браке Гордон большое внимание уделял вопросам религиозного воспитания детей и стремился к духовному единству со всеми членами семьи. Имея привычку жить рассудком, а не страстями, он демонстрировал высокую степень порядочности, и оба брака, надо полагать, были счастливыми. Спустя многие годы после смерти Катаринины, Гордон не раз с грустью вспоминал о ней и молитвенно оплакивал ее безвременную кончину «с глубокой и праведной скорбью» [9, с. 81, 177].

Дневник Гордона не содержит ни одного упоминания о том, что кто-либо из супругов (как в первом браке, так и во втором) подавал повод для ревности. Недаром один из современников Гордона отметил, что он — «муж целомудренный» [11, с. 61]. Советуя своему сыну Джону (от брака с Бокховен) скорее жениться, он поучал его: «Огонь должно держать подалеже ото всех воспламеняемых веществ, и нам воспрещено смотреть на женщину с вождением, что равносильно самому деянию. Остерегайся, дабы не осквернить Храм Господень — грех, коему Бог редко дозволяет пройти безнаказанно даже в этом мире. Если будешь ревностен в молитве, чтении Библии и добрых книг и не станешь предаваться праздности и компаниям, ты можешь легко превозмочь своих духовных противников» [10, с. 96]. В этих словах Гордон выразил свои нравственные убеждения и взгляды на христианскую жизнь.

Параметры религиозности «русского шотландца» позволяют усомниться в справедливости мнения, будто его энергичная и плодотворная деятельность в церковной сфере определялась исключительно пропагандистскими целями и вдохновлялась миссионерами из «Общества Иисуса». Принимая во внимание тот факт, что прямое участие генерала в организации и проведении миссионерской работы иезуитского и иных орденов не подтверждается источниками, целесообразно связывать мотивы его церковно-приходской деятельности со стремлением обрести личное спасение, а также с заботами о духовном благополучии родственников. Наиболее раз-

¹ Патрик и Катарина обвенчались 26 января 1665 г., а 10 октября 1671 или 1672 г. его жена умерла [7, с. 158, 23, с. 286].

² Патрик Гордон и Элизабет Ронаэр обвенчались 3 февраля 1673 г. [23, с. 283]. Элизабет была дочерью полковника Якова (Якова Григорьевича) Ронаэра, упоминаемого в деле о дворе Гордона в Севске [8, с. 129]. Их родственник полковник Бартоломеус Ронаэр в 1687 г. являлся прихожанином Голландской реформатской церкви в Москве [9, с. 134], но в 1690 г. упоминается среди активных членов католической общины («полковник Барталамко Ренорер») [17, л. 1]. Возможно, Гордон оказал конфессиональное влияние на Ронаэров и способствовал переходу членов этой семьи в католичество.

вернутые характеристики Гордона-пропагандиста приведены в сочинении Д. В. Цветаева «История сооружения первого костела в Москве», однако его автор не привел ни одного доказательства вовлеченности генерала в свращение православных. Речь идет только о желании Гордона обратиться в свою веру зятьев и крестить по римскому обряду внуков, т.к. генеральские дочери были выданы за протестантов [25, с. 84, 102]. Документально подтверждается лишь факт дружбы Гордона с иезуитскими миссионерами, бывшими одновременно и приходскими священниками в Москве, — Иоганном Шмидтом, Товией Тихавским и др., однако о поддержке со стороны генерала их прозелитических усилий можно только гадать.

Еще менее обоснованными следует признать выводы Цветаева о католическом фанатизме Гордона и развившейся вследствие этого непримиримой вражде с протестантами: историк приводит в доказательство отзыв о генерале голландского резидента Й. Келлера, не отличавшегося беспристрастием в оценке межконфессиональных отношений в России [25, с. 60—61]. Келлер мало был осведомлен о Гордоне или намеренно клеветал на него, утверждая, что он «некогда был реформатской веры, но с прибытием в Польшу по подстрекательству иезуитов сменил религию» [15, л. 63; цит. по: 23, с. 287], и в итоге стал фанатичным гонителем протестантов, измышляющим для них различные козни. На самом деле, породнившись с кальвинистами и лютеранами³, Гордон поддерживал с ними добрососедские отношения: сохранял тесные связи с голландской реформатской церковью и лютеранской киркой св. Михаила, их пасторами Шундервудом (Шондервуртом) и Фагечиусом (Вагетиусом), неоднократно участвовал в вечаниях, крестинах и похоронах московских протестантов [9, с. 134, 163, 169; 10, с. 89, 92, 128, 138, 203, 272]. В отношениях с православными Гордон тем более был корректен и создал важнейшие прецеденты бесконфликтного религиозно-культурного взаимодействия⁴.

П. Гордон не был ограниченным и фанатичным приверженцем своей конфессии: он обладал живой верой и искренне почитал Спасителя, Божью Матерь и святых, считая сакральными даже те их изображения, которые не являлись католическими. Например, он с большим негодованием вспоминал о том, как однажды в Варшаве на праздник Тела Христова римское духовенство и публика стали попирали ногами захваченные в бою русские знамена с изображениями Пречистой Девы и святых

³ Старшая дочь П. Гордона Кэтрин в первом браке была замужем за Рудольфом (Родионом) Штрасбургом, ее сводная сестра Мэри (дочь Гордона и Элизабет Ронаэр) первым браком сочеталась с капитаном Дэниэлом Крофордом. Штрасбург и Крофорд исповедовали кальвинизм, но под влиянием Гордона перешли в католичество. Обе дочери Гордона быстро овдовели и вторично вышли замуж за католиков: Кэтрин — за полковника Александра Гордона оф Охинтула, Мэри — за майора Карла Снивинса [22, с. 470; 24, с. 579].

⁴ На эту тему подготовлена специальная статья (Андреев А. Н., Андреева Ю. С. Католик Патрик Гордон и русское общество конца XVII столетия), принятая к печати в журнале «Вопросы истории».

[7, с. 113]. Гордон не просто расценил этот поступок как варварский, он усомнился в благочестии участников данного мероприятия: знамена были брошены наземь и попраны как раз в тот момент, когда появился со Святыми Дарами архиепископ, долженствовавший славить Жертву Искупителя и подвиг Его Пречистой Матери.

Таким образом, христианское мировоззрение Гордона основывалось на четких религиозных представлениях: шотландец-католик был убежден в объективном существовании высших сил и надеялся на их помощь, отличался большой силой веры и не сомневался в сверхъестественном происхождении религиозных понятий и идей. Высокая степень религиозности шотландца определяется выраженностью основных ее компонентов — интеллектуального, эмоционального и поведенческого. Интеллектуальная составляющая религиозности Гордона представлена осознанным усвоением римского вероучения и религиозных ценностей, знанием сакральных текстов, осведомленностью в вопросах догматических и культурных различий между представителями различных конфессий, способностью распознавать сакральные символы. Будучи по-военному сдержанным человеком, Гордон редко описывал свои переживания по поводу церковных обрядов, поэтому у нас нет возможности непосредственно оценить глубину и интенсивность его эмоционального восприятия религии, зато на основании дневника «шотландского москвиты» мы можем утверждать факт его активной культовой и внекультовой деятельности. Гордон представлял собой тип глубоко верующего человека, чья вера реализуется в социальном поведении и выходит далеко за церковные рамки, проявляясь не только в участии в обрядах, церковном строительстве и религиозном воспитании подрастающего поколения, но также и в семейной жизни, и в профессиональной сфере. В связи с этим следует подчеркнуть, что религиозность Гордона — это религиозность военного, который рациональным путем пытается адаптировать христианские заповеди к жестоким реалиям войны. Возможность исповедовать свою веру, причащаться и прибегать к таинству покаяния в представлениях Гордона были непереносимыми условиями нормальной жизни и службы.

Вместе с тем религиозность Гордона отличалась от таковой у средневековых христиан: отношение шотландца к морали, службе, семье показывает, что перед нами не мистик, но человек, рационально постигающий Провидение. Гордону было свойственно стремиться к разумному выбору во всех жизненных ситуациях, и его молитвенное обращение к Богу зачастую лишь помогало осуществить этот выбор. Молитва и покаяние не заслоняли собой его наслаждение «мирскими благами»¹, а аскеза не являлась ценностной доминантой поведения. Однако этого, в свою очередь, недостаточно, чтобы однозначно определить религиозность Гордона как рационализированную, скорее она была смешанного типа (с мистическими элементами), поскольку выражала

не только стремление достичь земных целей, но и обрести спасение после смерти, а также обнаруживала радость религиозного общения. В любом случае религиозность генерала относится к типу канонической (идейной, последовательной), которая характеризуется достаточно высокой степенью эмоциональной насыщенности, интенсивным религиозным опытом, регулярным участием в церковной жизни и инициативностью внекультовой деятельности [14, с. 100].

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-31-01011.

Литература и источники

1. Андреев, А. Н. Католик на русской службе Петр Петрович Ласси / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. — Т. 15. — № 3. — 2015. — С. 39—45.
2. Борисов, В. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полка. 1642—1700—1886 / В. Борисов, А. Сыцяно. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. — XVI. — 819 с.
3. Брикнер, А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого / А. Г. Брикнер. — Т. 1. — СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1902. — IV. — 386 с.
4. Брикнер, А. Г. Патрик Гордон и его дневник / А. Г. Брикнер. — СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1878. — 182 с.
5. Голиков, И. И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женеваца Франца Яковлевича Лефорты и сослужебника его, подобно же посвятившего себя службе Отечества нашего, знаменитого шотландца войск его же величества генерала анишефа Патрика Гордона, известно у нас под именем Петра Ивановича Гордона / И. И. Голиков. — М.: Университетская тип., 1800. — XVI. — 310 с.
6. Гордон, П. Дневник, 1635—1659 / Патрик Гордон; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова. — М.: Наука, 2000. — 278 с.
7. Гордон, П. Дневник, 1659—1667 / Патрик Гордон; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова. — М.: Наука, 2002. — 314 с.
8. Гордон, П. Дневник, 1677—1678 / Патрик Гордон; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова. — М.: Наука, 2005. — 233, [2] с.
9. Гордон, П. Дневник, 1684—1689 / Патрик Гордон; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова. — М.: Наука, 2009. — 339 с.
10. Гордон, П. Дневник, 1690—1695 / Патрик Гордон; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова. — М.: Наука, 2014. — 620 с.
11. Записки Андрея Артамоновича Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого. — СПб.: Тип. Сахарова, 1841. — С. 1—94.
12. Козлов-Струтинский, С. Г. История Католической Церкви в России / С. Г. Козлов-Струтинский, П. А. Парфентьев. — СПб.: Белый камень, 2014. — 740 с.
13. Корб, И. Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента / Иоганн Георг Корб // Рождение империи. — М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 21—258.
14. Лобазова, О. Ф. Экспликация понятия «религиозность»: традиционный и инновационный подходы / О. Ф. Лобазова // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2009. — № 1. — С. 94—101.

¹ См. размышления Гордона в день его 60-летия [10, с. 334].

15. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИИ СПб. ИИ РАН). Колл. 40. Оп. 1. Д. 58.

16. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. — Рязань: Александрия, 2010. — 336 с.

17. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1690 г.). Д. 1.

18. РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 22.

19. Толстой, Д. А. Римский католицизм в России / Д. А. Толстой. — СПб.: Изд. тип. В. Ф. Демакова, 1876. — Т. 1. — 537 с.

20. Устрялов, Н. Г. История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. — СПб.: Тип. 2-го Отделения, 1858. — Т. 2. — 582, [7] с.

21. Федосов, Д. Г. Клинок, перо и «бунташное время» / Д. Г. Федосов // П. Гордон. Дневник, 1659—1667. — М.: Наука, 2002. — С. 234—264.

22. Федосов, Д. Г. «От степи к морю» / Д. Г. Федосов // П. Гордон. Дневник, 1690—1695. — М.: Наука, 2014. — С. 435—483.

23. Федосов, Д. Г. Примечания / Д. Г. Федосов // П. Гордон. Дневник, 1684—1689. — М.: Наука, 2009. — С. 267—312.

24. Федосов, Д. Г. Примечания / Д. Г. Федосов // П. Гордон. Дневник, 1690—1695. — М.: Наука, 2014. — С. 484—580.

25. Цветаев, Д. В. История сооружения первого костела в Москве / Д. В. Цветаев. — М.: Университет. тип., 1885. — 130 с.

26. Tagebuch des generals Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661 und seines Aufenthaltes in Rußland vom Jahre 1661 bis 1699. Zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Dr. phil. M. C. Posselt. — St. Petersburg: In Commission bei K. F. Köhler in Leipzig, 1852, Bd. 3, 228, 117 p.

АНДРЕЕВ Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры «Геология, культура и искусство», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: alxand@yandex.ru

Поступила в редакцию 15 декабря 2017 г.

DOI: 10.14529/ssh180101

PATRICK GORDON AS A RELIGIOUS TYPE

A. N. Andreev, alxand@yandex.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article analyzes the parameters of religiosity of Patrick Gordon (1635—1699), a Scottish Catholic and one of the most famous Russian historical figures among foreigners. This article discusses the Gordon's moral qualities and levels of his religious motivation in military service and Church activities, some religious aspects of his social behavior. Gordon is presented in the article as a deeply committed Christian, who exercises his beliefs directly in the social life. The author attributes the Gordon's religiosity to the type of canonical (ideological) religiosity. This type is characterized by a high degree of emotional saturation, by the intense religious experience, is marked by a regular participation in the Church life and also by the energetic activities outside of the cult. Simultaneously the article discredits the myths about the Catholic bigotry and religious intolerance of General Gordon, about his proclivity to proselytism among the Russians.

Keywords: Patrick Gordon; religiosity; foreigners in Russia; Roman Catholics in Russia; interfaith relations.

This work was supported by grant № 17-31-01011 from the Russian Foundation for Basic Research.

References

1. Andreev A.N. Katolik na russkoy sluzhbe Pyotr Petrovich Lassi [Catholic at Russian service Peter Petrovich Lacy] *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki» [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"]*, 2015, vol. 15, № 3, pp. 39—45.

2. Borisov V., Sytsyanko A. Pokhody 64-go pekhotnogo Kazanskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva velikogo knyazya Mikhaila Nikolaevicha polka. 1642—1700—1886 [Campaigns of the 64-th infantry regiment of His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Nikolaevich. 1642—1700—1886]. St.-Petersburg, 1888, XVI, 819 p.

3. Brückner A.G. *Illustrirovannaya istoriya Petra Velikogo* [Illustrated history of Peter the Great]. St.-Petersburg, 1902, Vol. 1, IV, 386 p.

4. Brückner A.G. *Patrik Gordon i ego dnevnik* [Patrick Gordon and his Diary]. St.-Petersburg, 1878, 182 p.

5. Golikov I.I. *Istoricheskoe izobrazhenie zhizni i vsekh del slavnogo zhenevtsa Frantsa Yakovlevicha Leforta i sosluzhebника ego, znamenitogo shotlandtsa general anshefa Patrika Gordona, izvestnogo u nas pod imenem Petra Ivanovicha Gordona* [Historical picture of life and all things of the glorious Genevan Franz Lefort and his colleague the General-in-chief Patrick Gordon, the famous Scot, who we have known by the name of Peter Ivanovich Gordon]. Moscow, 1800, XVI, 310 p.

6. Gordon P. *Dnevnik, 1635—1659* [Patrick Gordon. Diary, 1635—1659]. Moscow, 2000, 278 p.

7. Gordon P. *Dnevnik, 1659—1667* [Patrick Gordon. Diary, 1659—1667]. Moscow, 2002, 314 p.

8. Gordon P. *Dnevnik, 1677—1678* [Patrick Gordon. Diary, 1677—1678]. Moscow, 2005, 233, [2] p.

9. Gordon P. *Dnevnik, 1684—1689* [Patrick Gordon. Diary, 1684—1689]. Moscow, 2009, 339 p.

10. Gordon P. *Dnevnik, 1690—1695* [Patrick Gordon. Diary, 1690—1695]. Moscow, 2014, 620 p.

11. Zapiski Andrey Artamonovicha Matveeva [Memoir of Andrey Artamonovich Matveev] *Zapiski russkikh lyudey. Sobytiya vremyon Petra Velikogo* [Russian's notes. Events from the time of Peter the Great]. St.-Petersburg, 1841, pp. 1—94.

12. Kozlov-Strutinsky S.G., Parfentyev P.A. Istoriya Katolicheskoy Tserkvi v Rossii [History of the Catholic Church in Russia]. St.-Petersburg, 2014, 740 p.
13. Korb I.G. Dnevnik puteshestviya v Moskovskoe gosudarstvo Ignatiya Khristofora Gvarienta [Travel diary in Moscow state of Ignatius Christopher Guarient] *Rozhdenie imperii [Birth of the Empire]*. Moscow, 1997, pp. 21—258.
14. Lobazova O.F. Eksplikatsiya ponyatiya “religioznost”: traditsionny i innovatsionny podhody [Explication of the concept “religiosity”: traditional and innovative approaches]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta [Proceedings of Russian State Social University]*, 2009, № 1, pp. 94—101.
15. Nauchno-istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Scientific historical archive of the St.-Petersburg institute of history of the Russian Academy of Science]. Coll. 40. Op. 1. File 58.
16. Pis'ma i doneseniya iezuitov o Rossii kontsa 17 i nachala 18 vekov. Irzhi David. Sovremennoe sostoyanie Velikoy Rossii, ili Moskovii [Letters and reports of Jesuits about Russia of the end of 17-th and the beginnings of 18-th centuries. Irzhi David. The modern condition of Great Russia or Moscovia]. Ryazan: Alexandria, 2010, 336 p.
17. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts. F. 152. Op. 1 (1690 year). File 1.
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. F. 1646. Op. 1. File 22.
19. Tolstoy D.A. Rimskiy katolitsizm v Rossii [Roman Catholicism in Russia]. St.-Petersburg, 1876, Vol. 1, 537 p.
20. Ustryalov N.G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo [History of the reign of Peter the Great]. St.-Petersburg, 1858, Vol. 2, 582 p.
21. Fedosov D.G. Klinok, pero i “buntashnoe vremya” [A blade, a pen and the “Rebel time”] *Gordon P. Dnevnik, 1659—1667 [Patrick Gordon. Diary, 1659—1667]*. Moscow, 2002, pp. 234—264.
22. Fedosov D.G. “Ot stepi k moryu” [“From the steppe to the sea”] *Gordon P. Dnevnik, 1690—1695 [Patrick Gordon. Diary, 1690—1695]*. Moscow, 2014, pp. 435—483.
23. Fedosov D.G. Primechaniya [References] *Gordon P. Dnevnik, 1684—1689 [Patrick Gordon. Diary, 1684—1689]*. Moscow, 2009, pp. 267—312.
24. Fedosov D.G. Primechaniya [References] *Gordon P. Dnevnik, 1690—1695 [Patrick Gordon. Diary, 1690—1695]*. Moscow, 2014, pp. 484—580.
25. Tsvetaev D.V. Istoriya sooruzheniya pervogo kostyola v Moskve [The history of the construction of the first Catholic Church in Moscow]. Moscow, 1885, 130 p.
26. Tagebuch des generals Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661 und seines Aufenthaltes in Rußland vom Jahre 1661 bis 1699. Zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Dr. phil. M.C. Posselt [Diary of General Patrick Gordon]. — St. Petersburg, 1852, Bd. 3, 228, 117 p.

Received December 15, 2017

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреев, А. Н. Патрик Гордон как религиозный тип / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 1. — С. 6—13. DOI: 10.14529/ssh180101

FOR CITATION

Andreev A.N. Patrick Gordon as a religious type. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 1, pp. 6–13. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180101